

Я. Курсите, Р. Йиргенсоне

К вопросу о каменных бабах

Среди большого количества природных явлений, которые имели для балто-славянского мира сакральное значение, важное место всегда отводилось камню. Мы находим отдельно стоящие камни, которые становятся предметом поклонения и жертвоприношения, камень выступает атрибутом погребальных сооружений. Одной из разновидностей камней, которым поклоняются с древних времен, являются атропоморфные «каменные бабы», распространенные на территории Прибалтики, Белоруси и северной части украинского Полесья. Традиции их сооружения и понимание первоначального предназначения ушли в прошлое. Однако среди местного населения они продолжают оставаться и на сегодняшний день предметом поклонения – живым отголоском забытых языческих культов.

Ключевые слова: камень, каменные бабы, культы, поклонения, жертвоприношения.

Каменные изваяния, называемые каменными бабами, характерны как для балтийской, так и для славянской традиционной культуры. Можно предположить как общий, древний индоевропейский пласт, так и возможность параллельного возникновения данных каменных изваяний, поскольку балты и славяне проживали примерно в одинаковых географических и климатических условиях, как у одних, так и у других в древности был культ камней.

Вопрос о каменных бабах рассматривается на основе собранных материалов в исследовательских экспедициях Латвийского университета 2003–2011 гг. в Полесье Белоруссии и Западной Украины (главным образом в житомирском Полесье). В качестве сравнительного материала – материал по прусским каменным

бабам в бывшей Восточной и Западной Пруссии (нынешняя Калининградская область России; Вармия и Мазурия, Гданьск и окрестности в современной Польше), а также каменные изваяния в восточной части Латвии – в Латгалии.

Баба. В латышском фольклоре, хотя в несравненно меньшем количестве, представлены хтоническим духам матерям–покровительницам разных сфер (леса, поля, ветра, воды и т.п.) во многом изоморфные *бабы*. «Баба» (лат. *bāba*) и в латышском, и в русском языке воспринимается, прежде всего, как слово простонародное, уничижительное по отношению к женщине. В «Латышско–русском словаре» к соответствующей словарной статье в качестве характерного примера приведено словосочетание «Грубая баба» [Latviešu–krievu, 1979, p. 162]. Назвать кого–нибудь «бабой» означало бы не только обидеть, но и унизить, хотя раньше слово и в латышском, и в русском могло обозначать жену или женщину вообще, без какого–либо пейоративного смысла.

Само слово «баба», как представляется, общего индоевропейского корня: и.–е. **bhābh– / *bāb–*. В разных индоевропейских языках оно обозначает почти полный спектр человеческих ипостасей: ребенка (англ. 'baby'), мужчину – отца (ит. 'babbo'), женщину – мать или просто старую женщину: латыш. 'bāba'; лит. 'boba'; укр., польск., русск. 'baba'. [Karulis, 1992, s. 95], мальчика, слугу (верхненемецкий 'buobe' [Фасмер, 1996, с. 99].

Каменные бабы. Существует целый пласт преданий о конкретных, до сих пор существующих камнях (которым рука человека придала антропоморфный вид), называемых в народе каменными бабами. Здесь в начале следует

отвлечься от латышского материала в сторону более общего – балтийского, а, возможно, и балто–славянского культурного пласта.

В Белоруссии обследовано достаточно большое количество культовых камней [Ляўкоў, 1992; 1997; Беларускі фальклор, 2005; Дучыц, 2011]. Среди культовых камней выделяются так называемые каменные бабы, которые в основном расположены в Полесье. Места расположения каменных баб – это территория, где некогда проживало балтийское племя ятвягов. Каменные бабы в Полесье – это изваяния напоминающие, с одной стороны, примитивный объемный крест, с другой стороны, фигуру женщины, высотой 60–80 сантиметров, обычно с высеченным орнаментальным знаком косоугольного или прямого крестика посередине фигуры. Чаще всего каменные бабы расположены или в лесу, или на окраинах поселений или на кладбищах. В Беларуси их называют попеременно то каменными бабами, то каменными девочками.

На украинском Полесье каменных баб в «чистом виде» не нашли, но нашли, на наш взгляд, следующий этап развития каменных баб – разного рода каменные кресты. В деревне Юрово – 3 каменных креста, на одном знак – крестик. Местные рассказывали, что на том месте раньше было старинное кладбище. На кладбище в Перге – каменные стелы, а также каменные и деревянные кресты рядом. Местные туда не ходят, но почему, непонятно, называют данное место «могилки, где каменчики». В Копищах тоже старинное кладбище, где одна часть его, более старинная – каменные стелы, новая – каменные и деревянные кресты. Такого же рода каменные стелы и кресты находятся также в деревне Сущаны. В деревне Каменная, что в 2 километрах от границы с белорусским Полесьем, на кладбище – каменные стелы разной величины. Одна из них напоминает каменную бабу, какие встречаются в белорусском Полесье. Но надо сказать, что подобного явления, как в белорусском Полесье – с одеванием, приношением даров, здесь не наблюдается и местные люди не помнят, что такое когда-либо имело место.

Другое скопление каменных баб находится в бывшей Восточной и Западной Пруссии (теперь часть России и часть Польши), где имеются каменные изваяния (в метр и выше, числом более 15), некогда называвшиеся *'baben'* [Hermanowski, 2004, s. 5–36; Mažosios, 2000, s. 40]. На данный момент изваяния увезены со своих первоначальных мест¹ и стали музейными экспонатами: выставлены в Бартошице, Гданьске, Ольштыне, Пионерском, Калининграде [Восточная Пруссия, 1996, с. 66–67]. Под

1. В последние годы усилиями археологов находятся утерянные или ранее неизвестные каменные бабы. Так недавно в бывшей Восточной Пруссии, недалеко от Поганово (теперь территория Польши) археологи раскопали прусское святилище (X–XII вв.) с каменной бабой. [Wyczyłkowski, 2009, s. 605–633]

общим названием – каменные бабы – здесь объединяются как антропоморфные женские, так и мужские изображения. Так, в Бартошице, довоенном Бартенштейне, представлены два каменных изваяния – мужчины (бородатого, с рогом изобилия в одной руке и мечом в другой) и женщины (фигура поменьше, пообъемнее). В народе их называли Бартемом (Bartel) и Юстебалдой (Justebalde) – мужем и женой [Hermanowski, 2004, s. 35]. В Западной Пруссии два стоявшие рядом каменные изваяния называли Адамом и Евой [Gehrke, 1911, s. 353].

Согласно гипотезе российского археолога Владимира Кулакова, каменные мужья у пруссов символизировали Видевута и Брутена – по преданиям прародителей пруссов, ставились попарно на границах прусских земель, начиная от конца первого тысячелетия примерно до XI–XII вв. [Кулаков, 2003, с. 37]. У ряда других каменных прусских изваяний половые признаки отсутствуют. Возникает вопрос, почему же все каменные изваяния объединены одним собирательным названием «каменные бабы»? Возможно потому, что ранее слово «баба» и конкретное словосочетание «каменная баба» могло включать весьма широкий спектр значений, об это косвенно свидетельствуют и однокоренные слова, которые в индоевропейских языках, как уже упоминалось выше, могут обозначать и старую женщину – мать, и ребенка, и отца.

Можно предположить, что «баба» имеет вовсе не индоевропейскую, а тюркскую основу, поскольку каменные бабы распространены не только в рассматриваемом нами узком ареале Восточной и Западной Европы, но также в юго-восточной Европе, Азии, южной Сибири и других местах. Традицию сооружения каменных баб Юго-Восточной Европы, а также Азии соотносят с тюркскими народами, так же как и название – к тюркскому *baba* – отец [Фасмер, 1996, с. 99–100]. Однако, несмотря на то, что и одних и других называют каменными бабами, следует отметить, что есть каменные бабы тюркского типа, но есть и каменные бабы совершенно другого типа (о статуях тюркского типа подробно см. у Я.Р. Дашкевич [Дашкевич, 1982]). Во-всяком случае по отношению к каменным бабам бывшей Восточной и Западной Пруссии, а также белорусского Полесья нет никаких данных о возможном заимствовании самой традиции, а также названия «баба» из тюркского. «Нельзя /.../ согласиться с тюркской этимологией восточно- и западнославянского слова «баба» = отец, предок, уважаемый человек, так как в данном случае нужно было бы ожидать употребления термина «баба» = каменное изваяние только в русском и украинском языках, приуроченного к территории, где находились тюркские бабы. В действительности это совершенно не так» [Дашкевич, 1982, с. 81]. Поскольку как индоевропейские,

так и алтайские (в них входят и тюркские) языки причисляются к т. н. ностратическим языкам, возможно, слово «баба» является общим древним наследием. А культ камней, их насыщенная семантика и символика прослеживаются в культуре представителей обеих языковых групп.

До недавнего времени казалось, что ничего подобного каменным бабам, на территории Латвии нет, хотя и культовых камней здесь, как и на соседних территориях, достаточно. Но совсем недавно, во время фольклорной экспедиции 2011 г. в восточной части Латвии – Латгалии, на старинном кладбище нам удалось обнаружить несколько каменных изваяний, визуальнo весьма похожих на белорусских каменных баб и совсем странно выглядящих на католическом, хотя и весьма старинном кладбище. По мнению латышского археолога Юриса Уртанса [Urtāns, 2011, s. 62–77], участника данной экспедиции, заброшенная часть упомянутого латгальского кладбища с каменными изваяниями, часть из которых напоминает, как уже отмечалось, полесские каменные бабы, по времени можно отнести к ливонскому периоду (XI–XVI вв.). От местных жителей нам не удалось получить каких-либо сведений ни о старой части кладбища, ни о камнях, кроме того, что камни, по мнению опрошенных – странные, необычные. Название места, где находится кладбище, весьма интригующее для латышских историков: Толоевцы. В топониме улавливается латгальский диалектный корень *tuol– со значением «далекий, отдаленный». Данный корень имеется и в названии города (ныне в Псковской области, до войны – в составе Латвии) Пыталово (=Pie-tālava), т.е. место около Талавы. В начале XIII в. существовала земля под названием Tālava (Талава), другое название которой Atzele (в хрониках Пскова и Новгорода называемая Очель).

Поклонение каменным бабам. В отличие от прусских каменных изваяний, которые потеряли свое исконное место и функцию (быть объектами поклонения), в отличие от латгальских антропоморфных изваяний, о которых пока неизвестно почти ничего, кроме местонахождения, белорусские полесские каменные бабы (например, в деревнях Данилевичи, Малые Липляны, Боровое) в Гомельской области, находятся в местах, где им по-прежнему поклоняются (в лесу, на краю кладбища, на краю села), и где каждой весной местные женщины их переодевают и ставят им разные подношения; надо заметить, что и там в последние годы традиция идет на убыль.

Что представляет собой ритуал одевания каменных баб? К Пасхе женщины пьют для каждой каменной бабы: специально покупают кусок красивой (каждая по своему вкусу) материи, которой обматывают каменное изваяние.

Рано утром в Пасху, как только восходит солнце, с каменной бабы снимают старую одежду и сжигают в костре. Потом начинается одевание в новую одежду. Когда баба/девочка переодета, кладут у ее подножья крашеные яйца, белый хлеб, деньги, потом молятся. По рассказам женщин (в ритуале переодевания участвуют только женщины), обнимая камень обеими руками, можно вымолить у каменной бабы/девочки здоровья и потомства. Приезжают к камню с дарами и молятся люди как издалека, так и из близких деревень. Как уверена одна из местных жительниц – Ольга Плех (д. Данилевичи) – каменная девочка помогает добрым людям, а злым не помогает.

По всей видимости, поклонение каменным бабам или идолам в прошлом было гораздо более распространено [см. о культе камней у балтийских славян: Нидерле, 2000, с. 319–324]. В путевых заметках середины XIX в. этнографа Павела Шпилевского (1823–1861) «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» сплошь и рядом находим упоминания об особенном отношении местного народа к камням или предания о культе камней, при чем как балтийского (ятвяжского, литовского) так и славянского. Например, о каменных фигурах на Кобринском предместии, некогда, по рассказам местных жителей, посвященных, как автор пишет, то ли литовской, то ли ятвяжской богине Мажанне [Шпилевский, 2004, с. 34]. Само название Мажанна балтийского происхождения и означает «лес». Уже в Ипатьевской летописи (1248–1263) упоминается о том, что Миндоуг и его люди среди прочего поклонялись Медейне [Baltu, 1996, p. 260]. Таким образом, можно предположить, что Мажанне/Медейне поклонялись в лесу или в особенном месте, принося разные подношения. В какой-то мере данное упоминание о прошлом перекликается с увиденным в современной экспедиции в Полесье – в Боровом Гомельской области, где в лесу стоит каменная баба/девочка, которой все приходящие в лес дарят или грибы, или ягоды, или другое.

В латышской фольклорной традиции аналогом Мажанны/Медейны был дух женского рода, именуемый матерью леса (Межа māte), которому также как у литовцев, а также в Полесье, приносили разные дары. Еще в начале XIX в. отмечен обычай, когда латыши ходили в лес, чтобы выбрать хорошее дерево для колыбели новорожденного, обязательно на месте срубленного дерева оставляли монету для матери леса [Latviešu tautas, Nr. 18883]. Также на похоронах, если дорога на кладбище вела через лес, матери леса оставляли еду и напиток [Latviešu tautas, Nr. 2299]. Мать леса была амбивалентным духом, ее уважали, но одновременно и побаивались, поэтому, по-видимому, как можно заключить из довольно многих преданий и рассказов, ей поклонялись и обязательно жертвовали, чаще всего еду. Хотя, по-

видимому, обычно мать леса была воплощена в самом старом или самом высокоом дереве леса, но довольно часто ей поклонялись и в виде камня, а может быть, и в виде каменной бабы.

Предания о каменных бабах. Во время экспедиции фольклористов Латвийского университета по прусским местам в Мазурии и Вармии (ныне Польша) в 2005 году местные представители восточнопрусской общины рассказывали предание, согласно которому одна из каменных баб – это превращенная в камень принцесса, которая не осмелилась сообщить своему народу о приближении войны. А после того как она это все-таки сказала, тут же превратилась в камень.

Названием «баба» балты и славяне раньше обозначали также небесные светила и атмосферные явления. Так, например, «бабой» называли у латышей Утреннюю звезду или Венеру, у поляков Орион, у чехов и поляков темные, грозные тучи [Славянские древности, 1995, с. 123]. Записанное в Белорусском Полесье в деревне Данилевичи предание о возникновении каменной бабы также связано с представлением о связи каменного изваяния и грозовой тучи.

В деревнях Данилевичи и Боровое мы записали почти идентичные предания о полесских каменных бабах или о каменных девочках:

«Мать с дочерью убирала урожай. Дочь собирала васильки и не хотела работать. Мать прокляла ее: если не будешь трудиться, превратишься в камень. Обернулась, а дочери нет, а на том месте стоит каменчик», рассказала Елена Карась.

Другой рассказ, услышанный от Михаила Сердюка:

«Моя бабушка, которая прожила 105 лет, рассказывала, что одна девочка работала в воскресенье. Нашла большая хмара, начался дождь. Девочка спряталась под большим дубом. Молния ударила в тот дуб, девочка превратилась в камень. Однажды сельчане решили перенести камень в другое место. Несли всем селом, так как у каменной девочки оказалась длинная каменная нога, уходившая в почву – длиной около 12 метров. Как только они перенесли девочку, так начались разные напасти, стал падать скот, люди стали помирать один за другим. Возвратили девочку на прежнее место».

Опрошенные старики называют место, где находится каменная девочка, проклятым местом и остерегаются туда ходить. Когда мы спрашивали, чем же это место проклятое, внятного ответа не получили – только: это место, где мать прокляла свою дочь. Но если место проклятое, почему туда ходят женщины, сажают цветы, ухаживают за ними, приносят дары проклятой девочке, молят у нее здоровья, потомства и других благ? По-видимому, здесь сохранились реликты каких-то языческих культов, связанных и с плодородием, и с культом умерших. Но чьи это древние

ритуалы – балтийские или славянские – это пока остается без удовлетворительного ответа. В Малых Липлянах местный историк нам говорил, что в окрестностях найдены погребения ятвягов, относящиеся к бронзовому веку. Хотя топонимы в Полесье пестрят балтизмами – начиная от Кудричей, Кривичей и заканчивая Пруссами, Ятвезь, Дайнова, вопрос открыт. На данный момент это остается составляющей белорусской народной культуры, но с большой долей вероятности участия в ней балтийских культурных реликтов. «Возможно, что проблема состоит также и в схожести условий обитания ятвягов и других племен на территории современной Прибалтики, Беларуси и Житомирского Полесья, для которых характерно наличие обширных лесных массивов, выходов камня разных размеров и форм посреди совершенно равнинной и в значительной степени заболоченной местности» [Петраускас, 2012].

Что связывает между собой мужские и женские изваяния Восточной Пруссии с каменными бабами/девочками в Полесье? Во-первых, оба типа фигур имеют явные или скрытые следы древних культов плодородия (фигуры с рогом изобилия в руке – ср. устные рассказы о жатве, связанные с каменными девочками). Во-вторых, они, по-видимому, являются охранителями границ своих территорий (ср. изображения косоного креста или меча). В-третьих, они, по-видимому, были связаны с сезонными, т.е. умирающими и воскресающими божествами или духами, и в этой связи и с использованием в погребениях. В-четвертых, каменные скульптуры (не всегда антропоморфного вида и не всегда именуемые каменными бабами) ставились в лесу (как часть поклонения амбивалентным лесным духам). Но материал настолько обширен, разнороден, а заодно и запутан (это касается не только археологической, но и фольклорной части), что требуется довольно кропотливое изучение как собранного в предшествующие века материала, так и осознание нового материала. Но, во всяком случае, тема каменных баб не только по отношению к традициям тюркских народов, но и по отношению к балтийским и славянским народам, актуализируется вновь. Новые исследования ученых связанных между собой специальностей (археологов, фольклористов, историков, лингвистов) могут привести не только к более углубленному, но и более широкому пониманию феномена каменных баб.

Беларускі фальклор: энцыкл. Т. 1. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005.

Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В.И. Гальцов и др. – Калининград, 1996.

Дашкевич Я.Р. Каменные бабы Причерноморских степей / Я.Р. Дашкевич, Э. Трыярски. – Wrocław, 1982.

Дучыц Л. Сакральная геаграфія Беларусі / Л. Дучыц, И. Клімковіч. – Мінск, 2011.

Кулаков В. История Пруссии до 1283 года. Т. 1 / В. Кулаков. – М., 2003.

Ляўкоў Э. Культывыя камяні Беларусі / Э. Ляўкоў, А. Карабанаў, Л. Дучыц, Э. Зайкоўскі, В. Вінакураў // З глыбі вякоў. Наш край: Гіст.–культуралаг. зб. – Мінск, 1997. – Вып. 2.

Ляўкоў Э.А. Мауклівыя сведкі минушчыны / Э.А. Ляўкоў. – Мінск, 1992.

Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М., 2000.

Петраускас А. Камень в древнерусских и позднесредневековых погребениях Житомирского Полесья / А.В. Петраускас, А.А. Коваль // Inkluzīvi. Sastāudītaja Janina Kursīte. – Rīga, 2012.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М., 1995.

Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский. – Минск, 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – СПб., 1996. – Т. 1. – 576 с.

Baltu religijos ir mitologijos šaltiniai, I: Nuo seniausio laikø iki XV amžiaus pabaigos / Sud. N. Vėlius. – Vilnius, 1996.

Gehrke A. Die Provinz Westpreussen in Wort und Bild. T. I / A. Gehrke, R. Hecker, H. Preuß. – Danzig: A.W. Kafemann, 1911.

Hermanowski G. Ostpreussen lexicon / Georg Hermanowski. – Würzburg, 2004.

Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Vol. I: A–O / Konstantins Karulis. – Rīga: Avots, 1992.

Latviešu–krievu vārdnīca. Vol. I. – Rīga, 1979.

Latviešu tautas ticējumi: Sēj. I–IV / Sakrājis un sakārtojais P. Šmits. – Rīga: Latviešu folkloras krātuve, 1940–1941.

Mažosios Lietuvos Enciklopedija. T. I: A–Kar. – Vilnius, 2000.

Urtāns J. Pīdrujas Tolojevču kopsātas akmiņš krysti / J. Urtāns // Tāvu Zemes kalendārs – 2012. – Rēzekne, 2011. – Lp. 62–77.

Wyczyłkowski M. «Baba» kamienna z Poganowa. Wczesnośredniowieczne miejsce kultu Prusów / M. Wyczyłkowski // Baltowie i ich sąsiedzi. – Warszawa, 2009. – S. 605–633.

Я. Курсіте, Р. Йіргенсоне

ДО ПИТАННЯ ПРО КАМ'ЯНІ БАБИ

Серед великої кількості природних явищ, які мали для балто-слов'янського світу сакральне значення важливе місце завжди відводилось каменю. Ми знаходимо окремо розташовані камені, які стають предметом поклоніння та жертвопринесення, камінь виступає атрибутом поховальних споруд. Одним з різновидів каменів, яким поклонялися з давніх часів є антропоморфні «кам'яні баби», поширені на території Прибалтики, Білорусі та північній частині Українського Полісся. Традиції їх виготовлення та розуміння початкового призначення відійшли у минуле. Проте серед місцевого населення вони й до сьогоднішнього дня іноді залишаються предметами поклоніння – живим відлунням забутих язичницьких культів.

J. Kursite, R. Jirgensone

ON THE ISSUE OF THE STONE BABAS

Among the large number of natural phenomena, which had for Balto-Slavic world sacred meaning the place is always allotted stone. We find the detached stones that are the subject of worship and sacrifice, stone acts attribute burial structures. One of the varieties of stones, worshiped since ancient times is the anthropomorphic «stone woman», common in the Baltic states, Belarus and northern Ukrainian Polesie. Traditions of their production and understanding of the initial designation thing of the past. However, among the local population, and they still are sometimes an object of worship – a living echo of forgotten pagan cults.